

368-я СТРЕЛКОВАЯ ДИВИЗИЯ

О боевом пути 368-й стрелковой дивизии никто не расскажет лучше, чем человек, проходивший в этой дивизии службу с первого дня её формирования - с сентября 1941-го по июнь 1944-го года, и прошедший за столь незначительный период времени путь от лейтенанта - командира стрелкового взвода до капитана - помощника по разведке начальника штаба 1224-го стрелкового полка 368-й стрелковой дивизии.

Этот человек, ветеран Великой Отечественной войны, награждённый двумя медалями "За боевые заслуги" кавалер двух орденов Отечественной войны 2-й степени, ордена Отечественной войны 1-й степени, ордена Красной Звезды **Коваленко Николай Андреевич**. Родился он 4 февраля 1920-го года, в селе Банное, Воробьёвского района, Воронежской области. В октябре 1940-го года был призван в Красную Армию, в декабре того же года поступил в Таллинское пехотное училище. В июле 1941-го года, уже под вражеским обстрелом училище было эвакуировано в Славгород, Алтайского края, а в конце августа - передислоцировалось в Тюмень. В сентябре 1941-го года Коваленко в составе семисот молодых лейтенантов окончил училище, которое тогда уже переименовали во Второе Тюменское военное пехотное училище. Всех молодых лейтенантов приняла 368-я стрелковая дивизия, формировавшаяся в те дни в Тюмени. В День Победы, 9 мая 1945-го года из семисот офицеров, вышедших из стен училища, в живых осталось только тридцать. Остальные отдали свои жизни за свободу и независимость нашей Родины. Они навсегда остались лежать на берегах рек Ошты и Свири, в лесах и болотах Карелии, в тундре Советского Заполярья и в скалах Северной Норвегии. Короток был век у взводных в годы войны...

С 6 ноября 1941-го года 368-я стрелковая дивизия грузилась в эшелоны и отправлялась на фронт. (Командир дивизии полковник В.К. Сопенко, комиссар дивизии - Напалков Фёдор Михайлович, начальник политического отдела - М.Ф. Вечер, начальник штаба - М.Е. Нинбург, начальник разведки - В.М. Пантелеев).

Все думали, что следуют на оборону Москвы, на подступах к которой шли тяжёлые бои, но после Вятки стало ясно, что дивизию везут на Север. От станции Няндомы Архангельской области прибывший туда первым 13-го ноября 1941-го года 1224-й стрелковый полк (командир полка - И.В. Ивановский, комиссар полка - П.И. Лазарев) 368-й стрелковой дивизии двинулся маршем на Каргополь. На десятые сутки, 23-го ноября 1941-го года, совершив марш-бросок по маршруту Няндомы - Каргополь - Кречетово - Анненский Мост - Белый Ручей, протяжённостью 350 километров, полк достиг конечного пункта перехода - города Вытегры. "Марш был трудным, - вспоминал об этом переходе Николай Андреевич, - Ранняя зима уже во всю хозяйничала - дули свирепые северные ветры, шли обильные снегопады, морозило. На дорогах образовывались большие снежные завалы и заносы, преграждавшие путь людям, артиллерии и транспорту. Застревавшие в снегу машины, пушки и походные кухни вытаскивали своими силами, часть грузов солдатам приходилось нести на себе. В сутки проходили по 35-40 километров, не хватало продовольствия, времени для отдыха и сна, я несколько раз, засыпая на ходу, оказывался в кювете, да и не только я...".

25 ноября 1941-го года лейтенант Коваленко получил приказ выйти со своим взводом к маяку Петропавловский и встать заставой на охрану побережья Онежского озера на участке шести километров, имея задачей не допустить высадки десантов противника, а также его разведывательных и диверсионных групп. Финны находились на противоположном северном берегу озера в 25-30 километрах. Бойцы вырыли окопы, проложили контрольную лыжню, построили на каждое отделение землянку, а на башне маяка оборудовали наблюдательный пункт и установили станковый пулемёт. Коваленко с ординарцем поселился в доме начальника маяка. Жители соседней деревушки обещали сообщать о каждом появившемся подозрительном или незнакомом человеке.

"Онежское озеро ещё не замёрзло, - вспоминал Николай Андреевич, - северные штормовые ветры катили к берегу полутораметровой высоты валы, которые с рёвом разбивались о камни-валуны, превращаясь в пену и брызги, густым дождём падавшие на землю. Я молил Бога, чтобы как можно дольше катились бы эти водяные валы, и не замерзло бы озеро. Это затрудняло бы высадку на наш берег диверсионных и разведывательных групп противника и его десантов. Так как взвод был плохо вооружён - один ручной пулемёт, а положено было три, одна винтовка на двоих, а положено - каждому. автоматов не было. Правда, патронов и ручных гранат имел достаточно...".

И.ЗУБОВ.

Продолжение следует.

368-я стрелковая дивизия

(продолжение, начало в №57 от 19 мая)

Вскоре солдаты начали ощущать недостаток продовольствия. Базы снабжения находились в 350 километрах от Вытегры, автотранспорта было мало, не хватало горючего, отсутствовала техника для расчистки дорог от снежных завалов. Всё это затрудняло своевременную доставку продовольствия, фуража и интендантского имущества. Наступил голод.

"Два раза в день варили из сухарей "сухарницу" и кормили солдат — вспоминал Коваленко, - на день давали три-четыре сухаря, да две-три ложки зёрен чечевицы или гороха. В Вытегре, Палтоге и других населённых пунктах в служебных помещениях местных организаций и в жилых домах развёртывались лазареты для истощённых и больных". Бывший врач санитарной роты 1224 стрелкового полка подполковник в отставке **Михаил Дмитриевич Соколов** так описывал эти дни: "Время было трудное, голодное. Люди были истощены, у некоторых опухали ноги. Госпиталь в Вытегре и лазареты были переполнены. На конференции медицинских работников начальник медицинской службы дивизии докладывал, что от голода умерло девяносто человек. Самое тяжёлое положение сложилось в 1228-м стрелковом полку, где имелась большая заболеваемость от голода и смертность. Старший врач полка капитан медицинской службы Воронов всё это болезненно переносил и застрелился. Нашу санитарную роту спасло то, что в роте имелись сибиряки-охотники, стрелявшие лосей в Вытегорских лесах".

Лейтенант Коваленко постоянно думал над тем, как и чем помочь своему взводу и роте, как спасти людей от истощения и болезней. "Эта мысль — вспоминал он, - не покидала меня ни днём, ни ночью. Тогда я решил использовать часть гранат из неприкосновенного запаса для глушения рыбы в озёрах, пока их не схватило льдом. Глушил сам, не доверяя делать это другим, во избежание чрезвычайных происшествий. Собирали всю рыбу, вплоть до мелюзги. Из мелочи варили уху, а крупную солили и жарили. Среди солдат-сибиряков нашлись и специалисты по ловле зайцев на петли. Петли сделали из тонкой мягкой проволоки, которую нам дал начальник маяка. Иногда охотники подстреливали зайцев-беляков из карабинов. Случаев истощения и заболевания солдат на этой почве у меня на заставе и в роте не было. К концу января озеро окончательно сковало льдом. Снабжение продовольствием улучшилось, но до нормального было ещё далеко. Жизнь на заставе шла своим чередом, не предвещая ничего неожиданного. Но в первых числах февраля 1942 года к нам приехал особист - уполномоченный военной контрразведки, получившей в дальнейшем название "СМЕРШ", что означало - "Смерть шпионам!" Он мне сказал: "Вам, товарищ лейтенант, надобно пару деньков отдохнуть и поразмыслить в спокойной обстановке, в одиночестве". Я одну землянку освободил, расселив отделение в две другие, а сам засел в неё. К землянке особист поставил своего часового. Мне стало ясно, что я арестован. Находясь в одиночестве, я проанализировал свою жизнь - действия и поступки, содержание писем родным и разговоров с людьми, пытаюсь разгадать причину моего ареста. Версий было много. Вскоре пришёл к выводу - это гранаты, израсходованные на глушение рыбы.

Вечером того же дня ко мне пришёл мой помощник Галигузов и принёс ужин — жареного леща, чай и сухарь и вместе с часовым вышел из землянки. В рыбе я обнаружил записку от него, в которой сообщалось, что особист допрашивает ребят: кто глушил рыбу, кто собирал её, все ли её едят, готовят ли рыбу отдельно для меня, и у кого она хранится? Моя версия подтвердилась. Ночь прошла в выработке плана и тактики своей защиты. Основным оправданием служило то, что рыбу я глушил не для себя, а для всей роты, что этим спас людей от истощения, болезней и сохранил роту боеспособным подразделением. Люди — это главное. - Рыбу глушил сам, ел её со всеми вместе, отдельно для меня, её не жарили. Здесь всё в порядке, но факт использования гранат не по назначению налицо и от него никуда не уйти. Второй день прошёл в размышлениях, какой срок я получу? "Врагом народа" стать не должен ибо гранаты я использовал для спасения от голодной смерти маленькой группы своего же народа. А вот обвинение в подрыве боеспособности и боеготовности роты предъявить могут. Во время допроса особист несколько раз подсовывал мне протокол допроса, требуя, чтобы я его подписал. Отодвигая в очередной раз протокол, я спросил, почему этим делом занимается контрразведка, а не военная прокуратура. Особист ответил: - Поймите, что вы, своими действиями подорвали обороноспособность роты, батальона, полка, а такими делами занимается контрразведка". Я понял, что мне могут предъявить обвинение в подрыве обороноспособности не только роты, но и всей Красной Армии..."

И.ЗУБОВ.

368-Я СТРЕЛКОВАЯ ДИВИЗИЯ

«Утром особист, сняв охрану от моей землянки, неожиданно уехал. Я сразу же позвонил командиру роты лейтенанту Катанцеву Василию Михайловичу, обо всём рассказал ему и просил, если особист приедет к нему, подтвердить, что рыбой питалась вся рота. Но особист к Катанцеву не приезжал. Я думал, что особист передаст дело в прокуратуру, и меня будут судить. И за израсходованные на глушение рыбы гранаты мне дадут десять лет тюрьмы или лагерей, с заменой штрафной ротой или без замены. Лучше штрафная рота, чем тюрьма или лагерь, считал я. К этому я психологически себя уже подготовил, решив - что будет, то и будет! Поздно вечером в тот же день ко мне из деревушки пришёл старичок и сообщил, что в первом доме по дороге от маяка прячется дезертир с винтовкой, сын хозяина дома, сбежавший с фронта. Я поблагодарил старичка, дав обещание, что о его визите никто не будет знать. Оценивая обстановку, я понял, что это тот случай, который может спасти меня. А поэтому я должен обезоружить дезертира и взять его живым. Вблизи дома дезертира я на ночь устроил засаду, чтобы в случае побега его задержали. В этом доме я бывал несколько раз и хорошо знал расположение комнат. Для захвата дезертира я привлек своего помощника Галигузова и одного сержанта.

Я разработал и отработал на практике три варианта взятия дезертира. Мы, как обычно, прошли мимо дома дезертира до конца деревушки и на обратном пути зашли в дом. Хозяева засуетились, пригласили нас к столу. Мы сели каждый на заранее обусловленное место. Прямо передо мною находилась входная дверь на кухню и люк погреба с крышкой на нём, левее – русская печь на этот раз незакрытая шторой и чёрный проём сводчатого лаза под печь. Мне сразу же стало ясно, что на печке дезертира нет. «Но, тогда где же?» – раздумывал я, переводя взгляд то на крышку люка погреба, то на лаз под печь. И вдруг в проёме лаза что-то блеснуло, от попавшего туда луча солнца, пробившегося сквозь двойное стекло оконных рам. Я понял – дезертир там. Поднявшись с лавки я поставил стул влево, что означало, что дезертир под печью. Мы направились к выходу. Поравнявшись с печкой, Галигузов быстро встал у лаза слева, а я, резко нагнувшись, схватил ствол винтовки левой рукой и, выдернув её из-под печи, скомандовал: «Вылезай, а то буду стрелять!». Из лаза вылез обросший, давно небритый, в грязной измятой шинели и в ботинках с обмотками на ногах красноармеец. Сержант из-под печи вытащил три гранаты Ф-1 и девяносто винтовочных патронов в обоймах. На вопрос, кто он и откуда сбежал, дезертир назвал свою фамилию. Его дивизия вела оборонительные бои под Оштой. На вопрос, почему сбежал с фронта, он ответил, что там страшно, что он не хочет умирать, и пришёл к жене и сыну. Дезертира мы увезли».

Через несколько дней Н.А. Коваленко на заставу позвонил по телефону начальника штаба полка и зачитал приказ, в котором говорилось:

«Первое: За израсходованные на глушение рыбы гранаты в количестве 200 штук командиру взвода 7-й стрелковой роты лейтенанту Коваленко Николаю Андреевичу объявить пять суток домашнего ареста.

Второе: Стоимость израсходованных гранат в сумме 232-х рублей удержать из денежного содержания лейтенанта Коваленко Н.А.

Третье: С приказом ознакомить весь офицерский состав полка».

Приказ подписали – командир полка капитан Чернышев и начальник штаба полка.

И. ЗУБОВ.

368-Я СТРЕЛКОВАЯ ДИВИЗИЯ

(продолжение, начало в №57, 60, 67)

В марте 1944 года 7-я Отдельная Армия, соответственно и 368-я стрелковая дивизия, вошли в состав Карельского фронта, которым командовал генерал армии, а позднее — Маршал Советского Союза Кирилл Афанасьевич Мерецков. Нанося всё более мощные удары по врагу, Советская армия продвигалась на запад, очищая родную землю от ненавистных захватчиков. Близилась пора, когда и Карельский фронт должен был перейти в наступление. Подготовка к нему уже велась - в мае происходила перегруппировка войск в армии. К этому времени относится проведение одной из наиболее значимых разведывательных операций под Оштой, которая получила условное название "Подкоп". Так как финны усилили активность на переднем крае, нужно было узнать, что делает и что собирается предпринять противник. Целью операции было, произведя подкоп, взорвать вражеский ДОТ, затем ворваться в опорный пункт финнов, уничтожить его гарнизон и захватить пленного. В случае, если удастся, закрепиться на рубеже взрывной воронки. Подземный взрыв и саму разведывательную операцию наметили провести в районе деревни Осипово, где ближе всего подходил передний край обороны финнов. И грунт оказался там наиболее подходящим для прокладывания подземного хода. ДОТ находился напротив позиций 8 роты 1224 стрелкового полка. Пушка и пулемёт, установленные в нём противником, не давали покоя нашим бойцам ни днём, ни ночью. Беспокоили они и мирных жителей соседних деревень, не пожелавших эвакуироваться. Местность здесь была открытая, поэтому незаметно преодолеть нейтральную полосу было невозможно. Прокладка подземного туннеля представлялась наиболее целесообразным вариантом, дающим шансы на успех. Более двух месяцев ушло на эту трудную и изнурительную работу. Галерея имела в поперечном сечении 1-1,5 м, а прокладывалась на глубине 2-2,5 м. Протяжённость её составила 165 м. В ней постоянно работали один-два человека. Копали туннель днём, чтобы не так слышны были посторонние шумы. А грунт выносили в мешках со всеми мерами предосторожности ночью. Стоило финнам что-либо заподозрить, как весь труд пошёл бы насмарку. Крепили туннель кругляком, а обшивку стен и потолка проводили деревянными щитами из досок. Материал для этого заготавливался в тылу. После того, как туннель был готов, в него (под ДОТ) было уложено три тонны взрывчатки буквой "Т". Кроме того, на протяжении 7 км по всему участку обороны полка в разных местах сапёры установили тринадцать фугасов большой взрывной силы. Пятнадцатого мая 1944 года блестяще задуманная операция "Подкоп" была успешно воплощена в жизнь. Внезапным налётом на финские позиции, после взрыва ДОТа, взводы уничтожили более ста финнов, захватили один станковый и несколько ручных пулемётов, пятнадцать автоматов и стереотрубу. В ходе боя было захвачено двое пленных. Финны редко живыми попадали в плен, так как им внушили, что Красная Армия всех пленных сначала жестоко пытается, а затем расстреливает. Поэтому, у многих финских солдат в воротниках гимнастёрок были зашиты ампулы с ядом...

Близился долгожданный день наступления.